

Г. Н. ВОЛКОВ

Неистовый бунтарь

В «жаркое лето» памятного 1968 года я оказался в составе советской делегации на Всемирном фестивале молодежи, проходившем в Софии. Среди прибывших на фестиваль было немало «новых левых» из Франции, Западной Германии, Италии. В здании университета шли острые дискуссии. Навсегда врезалась в память такая картина. По оживленным, запруженным народом улицам движется странная процессия. Длинноволосые юноши и девушки в джинсах не шли, а скорее бежали, приплясывая и скандируя что-то. Они несли четыре портрета: Че Гевары¹, Троцкого², Розы Люксембург³ и Бакунина.

Че Гевара и Роза Люксембург — это понятно. Троцкий — еще куда ни шло. Но Бакунин! Казалось, это имя давно и прочно забыто. В Москве о нем напоминали разве что Бакунинская улица да обелиск у Кремлевской стены, где имена Маркса, Энгельса и Бакунина высечены на одной стеле⁴.

В свое время Плеханов похоронил наследие Бакунина, назвав его «разлагающимся трупом». Но жив, жив оказался Бакунин! И сегодня вместе с другими, незаслуженно похороненными именами возвращается к нам и имя легендарного русского революционера. Вновь, после более чем полувекового перерыва, выходят из печати его произведения.

Стоит, хотя бы штрихами, восстановить в памяти облик этого необыкновенного человека, 175-летие со дня рождения которого отмечается сегодня.

Жизнь Бакунина, как и его идеи, полна парадоксов. Кто бы мог подумать, что этот отпрыск родовитой дворянской семьи, прошедший детские и юношеские годы в тиши и идиллии помещичьей усадьбы среди многочисленных братьев и сестер, станет потом призывать

крестьян к бунтам и поджогам, к уничтожению дворянских гнезд? Кто бы мог подумать, что этот скромный, богобоязненный юноша станет ярким ниспровергателем бога и религии? Кто бы мог подумать, что он, склонный к углубленным философским размышлениям, поклонник Фихте и Гегеля, скоро решительно порвет с «философской заумью» и станет человеком действия, решительных и безоглядно смелых поступков? Что формуле Гегеля «всё действительное — разумно», которую он толковал буквально и консервативно, Бакунин предпочтет мефистофельскую формулу «всё действительное достойно гибели»?

Но именно таково было движение его жизни и мысли.

Окончив артиллерийское училище и прослужив короткое время в полку, он выходит в отставку и оказывается в кружке Станкевича. Он знакомится с Грановским. Его лучшим другом становится Белинский. В его окружении — Герцен, Аксаковы, Боткин, Анненков, Тургенев, Панаев...

Было что-то в Бакунине, что неудержимо влекло к нему лучшие молодые умы и души. Умел он заражать своей увлеченностью, интеллектуальным темпераментом, страстной убежденностью в своей правоте. В нем уже с юности ощущалась натура, «львиная порода, дух могучий и глубокий», по выражению Белинского.

Особенно велико было влияние Бакунина на Белинского. Он «разил» его Гегелем, и Белинский всерьез заболел идеями Бакунина о «примирении с действительностью», о том, что «понять и полюбить действительность (это русскую, то есть николаевскую, действительность. — Г. В.) — вот это назначение человека».

Однако, отдавая должное интеллектуальной мощи Бакунина, Белинский и противится его влиянию, без обиняков говорит о его чудовищном самолюбии, мелочности в отношении к друзьям, ребячестве, лености, недостатке задушевности и нежности, о том, что у него высокое мнение о себе, желание покорять, властвовать, говорить самому, но не слушать других. Не избежал влияния Бакунина даже Герцен.

Отношения с Герценом, как и с Белинским и многими другими, складывались неоднозначно, в большом диапазоне «любви-ненависти». Таков удел эксцентрических и эгоцентрических натур.

В 1840 году Бакунин уезжает за границу. В Берлине с головой окунается в таинственные глубины немецкой классической философии, слушает лекции Шеллинга. Гегель у него уже «в кармане».

В «Исповеди» он вспоминал об этом периоде: в германскую метафизику «был погружен исключительно, почти до сумасшествия, и день и ночь ничего другого не видя кроме категорий Гегеля <...>

Познакомившись поближе с метафизическими вопросами, я довольно скоро убедился в ничтожности и суетности всякой метафизики: я искал в ней жизни, а в ней смерть и скука, искал дела, а в ней абсолютное безделье». Человек крайностей, Бакунин, занимаясь философией, полностью пренебрегал политикой, теперь же, бросившись в политику, напрочь забыл о философии, запоем читал политические статьи и работы социалистов-утопистов, сблизился с левыми гегельянцами.

От «монастырского», отвлеченного умозрения он решительно поворачивает к революционному демократизму. Результатом этого поворота явилась статья «Реакция в Германии», опубликованная в журнале «Немецко-французский ежегодник» А. Руге за подписью Жюль Элизар. Статья проникнута ощущением приближающейся революции. «<...> Вокруг нас появляются признаки, возвещающие нам, что дух, этот старый крот, уже почти закончил свою подземную работу и что скоро он явится вновь, чтобы вершить свой суд <...> Все народы и все люди исполнены каких-то предчувствий, и всякий, чьи жизненные органы еще не парализованы, смотрит с трепетным ожиданием навстречу приближающемуся будущему, которое принесет слово освобождения. Даже в России, в этом беспредельном, покрытом снегами царстве, которое мы так мало знаем и которому, может быть, предстоит великая будущность, — даже в России собираются мрачные, предвещающие грозу тучи! О, воздух душен, он чреват бурями!»

Заканчивалась статья вдохновенным кличем: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» Он станет девизом всей жизни Бакунина.

С Марксом Бакунин встретился сначала заочно — на страницах «Немецко-французского ежегодника». Там появились их статьи. Оба в унисон возражали против плаксивого пессимизма Руге. Бакунин писал: «Мы живем в Германии Руссо и Вольтера» — и предрекал немцам грядущий 1789 год. Он восклицал: «<...> Я скиф, разорву ваши оковы, германцы, желающие стать греками».

Скоро состоялось и очное знакомство Бакунина с Марксом. <...> В отношениях с Марксом уже тогда ясно проступала его обычная «любовь-ненависть».

Знакомится Бакунин в это время также с немецким поэтом Георгом Гервегом, с Вейтлингом и Прудоном. Последний увлек его сознательным анархизмом. Бакунин же наставлял Прудона по части гегелевской диалектики.

Однако в отличие от Вейтлинга и Прудона, которые разрушали старый мир на словах и на бумаге, Бакунин жаждал осуществить

это немедленно и на деле. «Доктрины и теории» его не устраивали. Не устраивал его и научный коммунизм Маркса. На предложение Маркса примкнуть к Союзу коммунистов он ответил отказом. Бакунин считал, что коммунизм исходит не из теории и не из закономерностей общественного развития, а из «народного инстинкта, который никогда не ошибается».

Вспыхнувшая в 1848 году революция подхватила и Бакунина. Он мчится в Париж, он на баррикадах, всюду он среди восставших, днюет и ночует в казармах гвардейцев отважного Коссидьера. Об этом времени «духовного пьянства» Бакунин вспоминал как о лучшей поре жизни. «Я вставал в пять, в четыре часа поутру, а ложился в два, был целый день на ногах, участвовал решительно во всех собраниях, сходбищах, клубах, процессиях, прогулках, демонстрациях; одним словом, втягивал в себя всеми чувствами, всеми порами упоительную революционную атмосферу. Это был пир без начала и без конца <...>». Большой насмешник Герцен очень точно окрестил Бакунина «старой Жанной Д'Арк», да к тому же и девственницей, хотя и антиорлеанистской.

Весной 1849 года мы видим эту Жанну Д'Арк в Дрездене. Тут пригодились познания Бакунина как артиллериста, он, по существу, предводительствует штабом восстания.

Одним из его ближайших друзей оказывается в это время, как ни странно, Рихард Вагнер, великий композитор, тогда уже довольно известный. Вагнер оставил любопытные воспоминания о Бакунине, его характере и деяниях. «Заинтересовался я этим необыкновенным человеком, — пишет Вагнер, — уже давно <...> Он выступил в Париже на одном из польских собраний с заявлением, что не придает никакого значения различию между поляком и русским, что важно лишь одно: хочет ли человек быть свободным, или нет».

Любил Бакунин рассуждать о русском народе. Основной чертой его он считал «наивное чувство братства». Рассчитывал он и на ненависть русского мужика к его мучителям, к дворянам. В русском народе, по его словам, живет не то детская, не то демонская любовь к огню. И уже Растопчин⁵ построил на этом свой план защиты Москвы при нашествии Наполеона. Русского мужика, витийствовал Бакунин, легко убедить, что предать огню замки господ со всеми их богатствами — дело справедливое и богоугодное. Охватив Россию, пожар перекинется на весь мир. Ниспровержение современной цивилизации — идеал, который наполнял его энтузиазмом. Привести в движение разрушительную силу — вот цель, единственно достойная разумного человека. Он говорил лишь об одном: как для этой цели использовать все рычаги политического движения.

Устроители мирового порядка, вещал Бакунин, всегда найдутся сами собой. Теперь необходимо думать только о том, как отыскать силу, готовую все разрушить. Надобно весь европейский мир с Петербургом, Парижем и Лондоном сложить в один костер. «Все эти ужасные речи, — пишет далее Вагнер, — смущали особенно потому, что с другой стороны Бакунин обрисовывался как человек, относившийся ко всему с тонкою и нежною чуткостью. Мои отчаянные беспокойства об искусстве, мои идеальные стремления в этой области, были ему понятны». Заметим при этом, что Бакунин получил прекрасное музыкальное образование, и музицировал, и рисовал.

Когда Вагнер нарисовал перед Бакуниным сцены из оперы «Иисус из Назарета», тот в полном соответствии со своими «злодейскими» идеями посоветовал при композиции варьировать одну тему: пусть тенор поет «обезглавьте его!», сопрано — «повесьте его!», а бас — «сожгите, сожгите его!».

Несколько комично, но характерно для Бакунина выглядит следующая сцена. Вагнер пригласил как-то вечно голодного Бакунина на ужин. Его жена Минна подала нарезанную мелкими кусками колбасу и мясо. Бакунин жадно набросился на еду, шокируя хозяев. «<...> Вместо того, — с ужасом отмечал Вагнер, — чтобы, по саксонскому обычаю, экономно накладывать их на хлеб, он сразу поглощал все <...> Я осторожно стал поучать его, как у нас едят это блюдо». Бакунин с удивлением ответил, что ведь еды много, хватит на всех.

Затем было подано вино. Вагнер отпивал его маленькими глотками. Такая «филистерская» привычка была Бакунину противна. Он заметил, что хороший стакан водки приводит к той же цели быстро и решительно.

Тут, видимо, столкнулись два национальных характера: русский и немецкий. Проявилось это различие и в поступках. Вагнер осторожненько следил за революционными событиями в Дрездене, сочувствуя им, но не вмешиваясь, оставаясь в стороне. Бакунин всегда был в самом пекле, не мудрствуя лукаво, бросался в самые авантюрные предприятия. Так, ему вдруг показалось, что в Праге идет сильное революционное брожение, что этот вулкан придет в движение, стоит лишь появиться там ему, Бакунину. Преобразив свою внешность, с риском для жизни он отправился в Прагу. Друзья в Дрездене думали, что прощаются с ним навсегда. Но Бакунин скоро вернулся — разочарованный и несколько погасший. Оказалось, что в Праге к его услугам была только кучка экзальтированных полувзрослых студентов.

Дрезден вскоре окружили прусские войска. Бакунин учит военному делу поднявших оружие профессоров, музыкантов и фармацев-

тов, советует им поставить на городские стены «Мадонну» Рафаэля и картины Мурильо и ими защищаться от пруссаков. Не посмеют же они стрелять по Рафаэлю!

Пруссаки, однако, вошли в город. Временное правительство вместе с Бакуниным укрылось в ратуше. Здесь «один только Бакунин сохранил ясную уверенность и полное спокойствие. Даже внешность его не изменилась ни на йоту, хотя и он за все это время ни разу не сомкнул глаз. Он принял меня на одном из матрацев, разложенных в зале ратуши, с сигарой во рту», — вспоминает Вагнер.

Бакунин предложил снести в погреб все пороховые запасы и, когда приблизятся войска, взорвать ратушу вместе со всеми находившимися там. К удивлению Бакунина, его никто не подержал. Бакунин настаивал: они обязаны отдать свою жизнь, честь их должна остаться незапятнанной, чтобы в будущем народ не потерял надежду на освобождение. Его перехитрили, удалив из ратуши весь порох.

Наконец Бакунин и один из руководителей повстанцев, Гейбнер, отправились в соседний Хемниц, чтобы поднять восстание там. Но добропорядочные местные филистеры его предали. Бакунин был арестован.

Отдавая должное Бакунину, Маркс и Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии» отозвались о нем как о «способном и хладнокровном командире в лице русского эмигранта».

Закованного в кандалы Бакунина отправляют в крепость. Дважды его приговаривают к смертной казни: сначала суд саксонский, затем суд австрийский. Но случилось то, чего он боялся больше смерти: через некоторое время его передают русским властям, заключают в Петропавловскую крепость. Он давно уже почитался на родине государственным преступником номер один.

Николай I, вспомнив, видимо, исповедальные признания некоторых декабристов, пожелал, чтобы и Бакунин написал исповедь. О ней нужно сказать особо. Обычно ее рассматривают как позорное пятно в его биографии. Но это произведение как бы с «двойным дном». Внешне его можно принять за самоуничижительное покаяние. Да и подписал Бакунин «Исповедь»: «кающийся грешник». Но при внимательном чтении приходишь к выводу, что Бакунин несколько не жалеет о своих «преступлениях», а скорее оправдывает их, тем более он не собирается пересматривать свои революционные убеждения. С первых же слов «Исповеди» он заявляет: не требуйте от меня, чтобы я вам исповедовал чужие грехи. Никогда не был я предателем. «<...> Я хочу быть лучше преступником, заслуживающим жесточайшей казни, чем подлецом».

Иногда кажется, что Бакунин питает «донкихотово безумие» распропагандировать Николая. Он объясняет царю причины революции 1848 года тем, что полностью сгнили общественный порядок и общественное устройство: «Везде видишь дряхлость, слабость, безверие и разврат». Классы и власти едва держатся эгоизмом и привычкой — слабая препона против возрастающей бури. И делает вывод: «Вот в чем состоит, по моему мнению, сущность и сила коммунизма, не говоря о возрастающей бедности рабочего класса <...>». Как ни странно, разоблачительные слова Бакунина о европейской буржуазии Николаю понравились. Он начертил на полях: «Разительная истина».

Бакунин продолжал пропагандировать Николая в коммунистическом духе, описывая парижских рабочих во время революции 1848 года: «Государь! Уверяю вас, ни в одном классе, никогда и нигде, не нашел я столько благородного самоотвержения, столько истинно трогательной честности, столько сердечной деликатности в обращении и столько любезной веселости, соединенной с таким героизмом, как в этих простых необразованных людях, которые всегда были и будут в тысячу раз лучше всех своих предводителей!»

Покончив с Европой, Бакунин обращается к России и составляет настоящий обвинительный акт царю, его крепостнической и деспотической державе. Русское правительство «не хочет ни свободы, ни просвещения, ни возвышения русского народа, видя в нем только бездушную машину для завоеваний в Европе!».

Открыто заявляя, что верил и других убеждал в возможности и необходимости революции в России, Бакунин зло разоблачал российские порядки, сравнивая их с европейскими. «Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается тайным (общественное мнение, публичность, свобода. — Г. В.). В России же все болезни входят во внутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма».

В России, выкладывает Бакунин правду-матку царю, главный двигатель — страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тягостно жить в России человеку, любящему ближнего, уважающего равно во всех людях достоинство и независимость души. Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений. Хуже же всех приходится простому народу, бедному русскому мужику, который, находясь на самом низу общественной лестницы, уже никого притеснять не может!

Со времен Чаадаева и Пушкина не раздавалось таких выстраданных слов о России. «Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду! — и во Франции, и в Англии, и в честной Германии;

в России же, думаю, более, чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается <...> В России же иногда и все знают о воре, о притеснителе, о творящем неправду за деньги; все знают, но все же и молчат, потому что боятся; и само начальство молчит, зная и за собою грехи <...>».

Разве это язык и тон «кающегося грешника»? Скорее грозного и бесстрашного обличителя. Без обиняков заявляет Бакунин о своих «злодейских» целях. «Одним словом, государь, я уверил себя, что Россия, для того, чтобы спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцию <...> уничтожить монархическое правление и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе Славянского движения <...>».

В чем же Бакунин каялся? Каялся, по существу, в том, что донкихотствовал, недооценил «необъятную силу правительства» (*Пушкин*), что строил в фантазии утопические проекты, что ничего из задуманного не смог осуществить. Он писал, правда: «<...> Более всего я преступник против вас, государь, преступник против России <...>». Но из всего содержания «Исповеди» следует, что преступником он признавал себя с точки зрения царя, а не со своей собственной. Заканчивая рукопись, он не просит помилования, «почти с радостью» принял бы и смертную казнь, молит лишь об одном, чтобы не сгноили его в крепостном заключении. Пусть каторжные работы, чем тяжелее, тем лучше.

Николай внимательно читал рукопись — об этом свидетельствуют пометки на полях. Искренность Бакунина ему понравилась: «Он — умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать на-заперти». И на мольбы Бакунина ответил приказом держать его именно в одиночном каземате, где он провел долгие и мучительные годы.

Лишь после смерти Николая Бакунин был сослан в Иркутск. Тут он смог вскоре устроиться более или менее по-человечески, поступил на службу и даже женился. В 1861 году ему удается бежать из сибирской ссылки — по реке Амур, затем в Японию, затем на торговом судне через Тихий океан в Америку. И наконец он снова в Европе, в Лондоне, у Герцена и Огарева. <...>

Вскоре возобновились и отношения Бакунина с Марксом. С 1848 года на них была наброшена черная тень. В то время пополз грязный слухок, пущенный очевидно, царскими приспешниками, чтобы скомпрометировать Бакунина, что он — агент царского правительства и предал польских революционеров. Может быть, в силу предубежденности Маркса насчет кочующих по Европе русских помещиков, а может быть, в результате его неведения, но в «Новой

рейнской газете» была опубликована корреспонденция из Парижа, в которой утверждалось, будто Жорж Санд имеет в своем распоряжении документы, которые приписывают Бакунину главную роль в аресте «несчастных поляков».

Обвинение страшное. Взбешенный Бакунин обратился за разъяснением к Жорж Санд. Она направила опровержение в газету, которое было немедленно напечатано с извинениями редакции. Маркс и Энгельс потом не раз «ломали копыя» на страницах газеты в защиту «нашего друга Бакунина».

Но так или иначе клевете был дан ход. Это произвело самое тягостное впечатление на Бакунина.

При первой же встрече Маркс лично все разъяснил Бакунину, общие друзья заставили их обняться. Объятия вряд ли были искренними с обеих сторон. Маркс продолжал с неодобрением относиться к заговорщицкой и бунтарской деятельности Бакунина без четкой позитивной программы. Бакунин на всю жизнь затаил против Маркса кровную обиду и все время подогреваемую лютую ненависть. Этим недобрым чувством он сумел заразить и Герцена.

В 1853 году, когда Бакунин сидел в каземате, в английской прессе появилась заметка, будто царь Николай принял его с распростертыми объятиями, предоставив ему вино и женщин. Заметка была подписана фамилией Маркс. Но это был некий Фрэнсис Маркс, не имевший ничего общего с Карлом Марксом. Опять досадное недоразумение, повлекшее тяжелые последствия для отношения Бакунина к Марксу.

В 1864 году в Лондоне произошла новая встреча с Марксом. Старые обиды, казалось, были отброшены. Маркс писал Энгельсу:

«Бакунин просит тебе кланяться <...> Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне очень понравился, больше, чем прежде <...> Он <...> теперь, после провала польского движения, будет участвовать только в социалистическом движении.

В общем, это один из тех немногих людей, которые, по моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше»*.

Маркс надеется на активное участие Бакунина в Интернационале. Бакунин обещает работать «не покладая рук». И действительно, с головой уходит в агитацию, в пропаганду своих взглядов, в конспирацию, создание тайной организации «Священный союз свободы», или «Интернациональное братство».

Что же проповедовал Бакунин? Его анархизм теперь уже обрел определенные очертания.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 31, стр. 13, 14.

Почти все социальные мыслители главной причиной всех пороков общества считали частную собственность, против нее ополчали свой гнев, в ее ликвидации видели спасение человечества. Для Бакунина же главной препоной на пути движения человечества к свободе, равенству и братству является государство. У него были свои немногочисленные предшественники (У. Годвин⁶, М. Штирнер, Ж. Прудон). Но никто еще столь решительно и неистово не предлагал разрушить государство до основания, и причем разрушить немедленно. Всякое государство, всякая власть, всякое господство меньшинства над большинством есть злейший враг свободы, причина эксплуатации и подавления личности. «Нужно совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью, потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые».

Государство, считает Бакунин, — это война. «Пока будут существовать государства, не будет мира. Будут только передышки, более или менее длинные, перемирия, заключенные государствами, этими вечными воюющими сторонами. И как только какое-нибудь государство почувствует себя достаточно сильным, чтобы нарушить это равновесие в свою пользу, оно не замедлит это сделать».

Как известно, Маркс и Энгельс тоже пришли к выводу о необходимости разрушить буржуазную государственную машину, но ее место должна занять диктатура пролетариата, призванная подавить сопротивление эксплуататорских классов. И лишь после упрочения нового строя государство можно будет сдать в музей древностей вместе с прялкой и каменным топором.

Какой-то период и Бакунин склонялся к временной необходимости крепкой революционной власти. Но теперь ему не терпится. Он хочет упразднить государство уже на другой день после революции. Он отрицает не только буржуазное, но и любое государство, любую диктатуру, любое насилие. «Государство, каким бы народным его ни делали по форме, всегда останется институтом господства и эксплуатации и, следовательно, для народных масс вечным источником рабства и нищеты».

«Государство, — провозглашает пламенный проповедник, — по самой сущности своей, есть громадное кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни, всех интересов частей, которые и составляют, все вместе, общество. Это алтарь, на котором реальная свобода и благоденствие народов приносятся в жертву политическому величию; и чем это пожертвование более полно, тем государство совершенней».

Бакунин яростно выступает против участия народных представителей в парламенте, против конституционных иллюзий, которые в то время питали русская интеллигенция и немецкая социал-демократия. Власть развращает всех, независимо от классовой принадлежности. «<...> Если завтра будут установлены правительство и законодательный совет, парламент, состоящие исключительно из рабочих, эти рабочие, которые в настоящий момент являются такими убежденными социальными демократами, послезавтра станут определенными аристократами, поклонниками, смелыми и откровенными или скромными, принципа власти, угнетателями и эксплуататорами».

Что означает пролетариат, возведенный в господствующее сословие? — вопрошал Бакунин. Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Но ведь если будут управляемые, то будут и рабы. Поэтому, считал он, нужна организация не сверху вниз, а снизу вверх. Маркс на это возражал, в том смысле, что принцип организации снизу вверх — принцип буржуазной демократии.

В отличие от марксовой теории революции, исходящей из социально-экономических и политических ее предпосылок, Бакунин уповал на стихийный бунт, пусть он будет даже, как по Пушкину, «бессмысленный и беспощадный».

Бакунин, как и Маркс, видел в развитых странах Западной Европы пролетариат как ведущую революционную силу. Ну, а в Италии, Испании, в славянских странах? Тут мог пойти в дело весь «горючий материал». Деклассированные элементы, люмпен-пролетариат, «выбитая из колеи» студенческая молодежь, фрондирующая интеллигенция, разорившиеся мелкие буржуа. Бакунин по-настоящему именно им симпатизировал.

Ну, а в России? После земельной реформы Бакунин возлагал надежды на три силы: «земского царя», революционное, постдекабристское дворянство и крестьянский бунт. Одну из статей он так и назвал: «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?». Но иллюзии очень быстро рассеялись. Остался только Пугачев. Правда, еще и разночинцы, студенческая молодежь. «Итак, бросайте же скорее этот мир, обреченный на гибель. Бросайте эти университеты, академии, школы, ступайте в народ, чтобы стать “повивальной бабкой” самоосвобождения народного, спасителем народных сил и усилий». Герцен иронизировал, что Бакунин принял второй месяц беременности революции в России за девятый. Но так или иначе клич Бакунина нашел отклик у «молодой России».

Призывая к бунту, к террору, Бакунин ратовал и за «разнуздание страстей» и инстинктов, за всех одержимых, за всех, в ком «сам

черт сидит». Не всегда мог он и сам отличать честных, преданных революционеров от «одержимых бесом» фанатиков. Так получилось с Сергеем Нечаевым, в котором Бакунин вынужден был потом горько разочароваться.

Тут, как и во всем, особенно проявилась крайняя противоречивость натуры Бакунина, противоречивость его взглядов, колеблющихся в огромном диапазоне от мелкобуржуазного бунтарства до пролетарской революционности, от деятельности в Интернационале до организации тайных, конспиративных, заговорщических альянсов и комитетов, противостоящих Интернационалу.

Бакунин основывает в Женеве открытое общество — Альянс социалистической демократии, за которым скрывается другой альянс, который, в свою очередь, находится под руководством еще более тайного Альянса интернациональных братьев.

Анархист Бакунин, критикуя руководство Интернационала за присвоение себе «диктаторских» полномочий, провозглашает свой Альянс союзом свободных, автономных секций. Но ими руководит Центральный комитет, избранный членами — основателями Альянса, которые загадочным образом передали свои полномочия гражданину Бакунину, чье правление соответствовало бы президентству в федеративной республике. Говоря об этом, Маркс и Энгельс показывают, как антиавторитарист Бакунин авторитарно присвоил себе диктаторские функции. Его Альянс смахивает скорее на иезуитский или масонский орден. Да и во время революции Бакунин вынужден призвать к необходимости образовать «совет коммуны», которому будет передана исполнительская власть, — что это как не «авторитарное государство»?

Было бы, конечно, заблуждением считать, что борьба Бакунина и Маркса в Интернационале велась из-за притязаний на власть, на диктаторство или из-за личных обид и антипатий. Бакунин был искренне убежден в своей правоте и в том, что его позиция будет более способствовать успеху революционного дела, чем «доктринерская» позиция «государственника» Маркса. Маркс, по убеждению нетерпеливого Бакунина, откладывал революцию до греческих календ вместо того, чтобы использовать Интернационал для немедленного разжигания всемирного революционного пожара.

Тут шла борьба диаметрально противоположных взглядов на судьбы революции, на судьбы человечества. И в этом вопросе ни одна сторона не могла уступить ни шагу. Между партией Маркса и его партией, считал Бакунин, лежит целая пропасть. После Базельского конгресса Интернационала Бакунин с предельной откровенностью пишет о своем отношении к Марксу. Признавая его бесспорные

заслуги в Интернационале, он заявляет: «<...> Я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его несомненно благодельное влияние. А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть».

Перипетии раскольнической деятельности Бакунина хорошо известны. Она закончилась исключением его из Интернационала на Главном конгрессе, а затем и отстранением его от руководства Альянсом. Полное фиаско Бакунина как сектанта и заговорщика.

Но в благодарной памяти поколений живет другой Бакунин этих лет. Ему вновь удалось «тряхнуть стариной», вновь побывать на баррикадах, вновь заболеть «революционной горячкой».

В 1870 году Франция потерпела поражение в войне с Германией. Взволновались рабочие Парижа, а также население Лиона, Марсея, Тулузы. Взволновался и Бакунин, учуяв предгрозную атмосферу. Он пишет письма в разные концы Франции, а также Италии, Испании, призывает к немедленным действиям. Явившись в Лион, Бакунин организует штаб-квартиру, участвует в многочисленных митингах, призывает к вооруженному восстанию, объявляет об утверждении административной и нравственной системы и провозглашает революционную коммуну. Во главе восставших он проникает в ратушу. Но ее окружают национальные гвардейцы, и Бакунину еле удается спастись.

Маркс и Энгельс описали этот эпизод в саркастических тонах: «Бакунин водворился в ней (ратуше. — Г. В.); и вот наступил критический момент <...> когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир, — он декретировал *Отмену Государства*. Но государство в образе двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно ретироваться в Женеву»*.

Несмотря на поражение, лионское восстание было мужественной акцией с целью разбудить уснувшую энергию французского пролетариата. В определенном смысле оно было прологом Парижской коммуны, подготовило ее.

И Маркс, и Бакунин горячо приветствовали Коммуну. Именно обобщая ее опыт, Маркс пришел к выводу о необходимости раз-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 18, стр. 348–349.

рушить всю государственную машину старого общества. Но то, что для Бакунина было самоцелью, для Маркса — только необходимой предпосылкой для создания государственности нового типа — диктатуры пролетариата.

Да, революция — самая авторитарная вещь на свете. И если бы коммунары вняли советам Бакунина и упразднили всякое централизованное руководство революцией, Коммуна не продержалась бы и одного дня. В вопросе о государстве особенно проявился утопизм Бакунина.

В организационном плане Бакунин также завершал своей деятельностью отживший период заговоров, конспираций и тайных обществ. Он стоял где-то на распутье между уходящей в историю героической мелкобуржуазной революционностью и набирающей силу организованной, героической пролетарской революционностью. И в этом — истоки разорванности, противоречивости его теории, его революционной деятельности. В новых условиях новой эпохи он пытался вести борьбу старыми методами.

Во многих отношениях Бакунин противостоит цельной натуре Маркса как антипод. Но была в нем и черта, их объединяющая. При всех шатаниях, бросаниях из крайности в крайность горела в нем гневная, неугомонная, пламенная страсть борца за освобождение трудящихся, ненависть ко всякому гнету и эксплуатации, подавлению и унижению человека.

В представлениях Бакунина об обществе будущего много от коммунизма уравнительного, утопического. Но много и такого, что особенно близко нам именно сегодня.

Это — убийственная критика Бакуниным этатизма, бюрократического централизма, того, что мы называем сейчас командно-административной системой управления, унаследованной от периода культа личности и оказавшейся чрезвычайно живучей.

Это — поиски новых форм организации общества, новых принципов взаимоотношений общества и личности на путях создания ассоциаций трудовых союзов, «социалистических кооперативов», «общин», что способствовало бы раскрепощению личности, полному проявлению личной предприимчивости и инициативы.

Это — поиски решения национального вопроса на основе свободного союза, автономии и федерализма.

Истинным революционером всегда будет близок завет Бакунина: быть свободным и бороться за освобождение других. Воплощением этого девиза стала жизнь и судьба самого Бакунина.

Как и Маркс, Бакунин видел будущее общество как такое, где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех

(а не наоборот!). «Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение со свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности <...>» — так писал Бакунин в одной из последних своих работ.

В ней же он задавался вопросом: «Кто же я, и что побуждает меня выпустить в свет этот труд? <...> Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей <...>».

И, конечно, мы всегда будем чтить в Бакунине человека не только пламенного слова, но прежде всего революционного дела. Никогда он не искал для себя в революции ничего «личного», всегда готов был на смертельный риск, на самопожертвование, что считал никаким не геройством, а делом само собой разумеющимся.

Хорошо сказал о нем Франц Меринг в 1918 году: «При всех недостатках и слабостях Бакунина история обеспечит ему почетное место среди передовых борцов международного пролетариата — вопреки тому, что это почетное место будут оспаривать всегда, пока есть на земле филистеры, все равно, натягивают ли они себе на длинные уши полицейский ночной колпак или стараются скрыть свои трясущиеся кости под львиной шкурой Маркса».

